

Гу Пинву проснулась среди ночи, вздрогнув от кошмара.

Она лежала, обливаясь холодным потом, и лишь спустя мгновение осознала, где находится. Ощущение нереальности происходящего навалилось со всей силой.

Гу Пинву поднялась с постели и принялась расхаживать по комнате, надеясь, что движение поможет унять тревогу. Но сон как рукой сняло, и она, махнув рукой, толкнула дверь и спустилась вниз.

На ней была белоснежная хлопковая ночная сорочка с кружевами, поверх которой она накинула кашемировый кардиган. Выйдя через парадную дверь, она направилась вглубь двора.

Лунный свет ложился на землю причудливыми пятнами. Глубокой ночью горный воздух был наполнен стрекотом насекомых, а из крон деревьев то и дело доносился шорох — то ли птица, то ли белка мелькала в темноте. Она думала, что в такой час всё вокруг должно погрузиться в безмятежный покой, но ошиблась.

Пройдя несколько шагов по гравийной дорожке, Гу Пинву остановилась.

В тени цветов слабо мерцал алый огонек.

Высокий парень стоял, опустив голову, и докуривал сигарету. Она вспомнила, как в прошлый раз он прикурил при ней, но почему-то не стал курить.

Оказалось, что он курит с такой ленцой, в этом было что-то неуловимо притягательное. Она почти не смела смотреть на него долго, боясь обжечься о его взгляд, если он вдруг обернется.

Гу Пинву замерла на месте.

Она знала, что Чи Илань слышал её шаги. Но такой самовлюбленный человек, погрузившись в свой собственный мир, вряд ли станет обращать внимание на перемены вокруг. Подумав об этом, она неожиданно поддалась озорному порыву и, прочистив горло, решила разрушить невидимый барьер, которым он себя окружил.

— Сколько сигарет ты выкуриваешь за день?

Чи Илань ничуть не удивился и равнодушно ответил:

— Угадай.

— Такой заядлый курильщик, как ты, наверняка выкуривает по целой пачке, — сказала Гу

Пинву.

Чи Илань усмехнулся, в его голосе проскользнуло пренебрежение:

— Что ты вообще обо мне знаешь?

Ей показалось, что он ведет себя совершенно невыносимо:

— Ты сам попросил угадать, а теперь язвишь.

Чи Илань внезапно бросил сигарету и раздавил её носком ботинка. Он развернулся и посмотрел на неё сверху вниз.

Он был очень высоким, почти метр девяносто, даже выше её самого высокого двоюродного брата. Глядя на него с такого расстояния, ей приходилось слегка задирать голову. Казалось, он наслаждался этим превосходством. Улыбнувшись, он сменил тему:

— Тебе нравится смотреть, как парни катаются на скейте? — помолчав, он добавил: — Или тебе нравится смотреть, как на скейте катаюсь я?

Она удивилась тому, что он вдруг проявил редкое желание поболтать с ней среди ночи в лунном саду. Она не знала, как ответить на этот вопрос, поэтому, склонив голову набок, уклончиво пробормотала:

— Не знаю... всё довольно сложно.

Он снова усмехнулся, но она видела, что в его глазах нет ни капли веселья.

— Я собирался участвовать в отборочных соревнованиях. Было место, было время, и ты сама видела, как я тренировался, — Чи Илань задумчиво посмотрел на луну и добавил бесстрастно: — Но всё вскрылось, и дело замяли.

Он словно вспомнил что-то забавное:

— Когда я вернулся домой, старик пришел в такую ярость, что швырнул в меня своим драгоценным редким изданием книги. У меня до сих пор в ушах стоит шорох тех древних страниц, которым несколько сотен лет. Старик теперь, должно быть, кусает локти.

Она представила эту картину, и ей стало смешно, но в нынешней атмосфере она не была настолько глупа, чтобы принять его слова за простую шутку.

Чи Илань перевел взгляд на неё, сунул одну руку в карман и тихо спросил:

— Бессонница?

Гу Пинву машинально кивнула.

Чи Илань тяжело вздохнул:

— У меня тоже. Последний шанс в этом году, и всё сорвалось из-за того, что кто-то проболтался.

Гу Пинву, наконец, не выдержала:

— ...Хватит, это была я.

— О, — равнодушно отозвался Чи Илань. Похоже, он уже давно обо всем догадывался.

Под его холодным, изучающим взглядом Гу Пинву напряглась, не зная, что сказать. Спустя мгновение она опустила голову и начала признаваться в своем преступлении.

— Я просто... когда куратор вызвала меня на беседу, я случайно... — она взглянула на бесстрастное лицо Чи Иланя и, выдохнув, продолжила: — Ладно, не случайно. Я намеренно сказала ей, что ты собираешься участвовать в опасных соревнованиях именно в такой ответственный момент, и это помешает подготовке к экзаменам. Но я не просила куратора звонить домой! Правда, это она сама сказала, что такие вещи нужно обсудить с родителями...

Чи Илань продолжал смотреть на неё с каменным лицом.

Гу Пинву сникла:

— Хорошо, я намекнула куратору... что твои родители могут об этом не знать...

Пока она говорила, Чи Илань хранил молчание. Выслушав её, он не проронил ни слова и направился обратно.

Проходя мимо неё, он безэмоционально произнес:

— Гу Пинву, ты ведь знаешь, что у девушек всегда полно странных идей. Они думают, что так смогут добиться своего, но на деле всё выходит наоборот. В глазах других все их поступки выглядят лишь детскими играми. Я не стану преследовать тебя только потому, что ты носишь фамилию Гу, а твоя семья просила меня присмотреть за тобой. Большого не будет.

— Поэтому, не лезь не в свое дело.

Гу Пинву медленно обернулась, провожая его взглядом. Выражение её лица было спокойным, почти печальным, но в конце концов на губах заиграла едва заметная, горькая улыбка.

На следующий день они планировали подняться на вершину, чтобы встретить рассвет, но многие парни встали поздно, и решили перенести подъем на девять утра.

Гу Пинву, промучившись всю ночь без сна, чувствовала себя совершенно разбитой. К тому же, зная, что она неприятна Чи Иланю, ей совсем не хотелось никуда идти. Она сказала Чэн Ин, что хочет вернуться домой.

Чэн Ин, из-за которой Гу Пинву укачало в дороге и мучила бессонница, чувствовала вину, поэтому сразу согласилась и хотела вызвать машину. Гу Пинву вежливо отказалась, сказав, что за ней приедут свои.

Перед самым выходом Чэн Ин сообщила всем, что Гу Пинву нездоровится. Все отнеслись к этому с пониманием, но, узнав, что она будет ждать машину одна, заволновались.

— Оставлять девушку одну, даже днем, нельзя, — сказал Фу Ситан, бросив взгляд на Чи Иланя.

Чи Илань ожидаемо отозвался:

— Тогда я не пойду.

Чэн Ин замерла, в её сердце кольнула ревность, но возразить она не могла. Она переводила взгляд с Гу Пинву на Чи Иланя, пока не услышала, как Гу Пинву сказала:

— Не нужно, со мной ничего не случится. Я сообщу старосте, как доберусь до дома, этого достаточно?

Сердце Чэн Ин немного отлегло, она подумала, что у Гу Пинву и правда нет никаких чувств к Чи Иланю.

Во дворе стояла длинная деревянная скамья, а перед ней — изящный чайный столик. Чи Илань молча сел рядом с Гу Пинву, соблюдая дистанцию, и замер, всем своим видом показывая: раз я сказал, что не пойду, значит, не пойду. Идите без меня.

<http://bllate.org/book/21436/2190828>